

<https://www.classicalmusicnews.ru/interview/dmitrii-hvorostovskii-ja-v-tjazheloi-kategorii/?ysclid=lk7a1xewiu321217925>

Classical Music News

Дмитрий Хворостовский: “Я в тяжелой категории”

15.12.2009

Народный артист России, лауреат Государственной премии РСФСР и многих международных конкурсов Дмитрий Хворостовский спел в Тюмени в минувшее воскресенье – на вечере в филармонии в честь 10-летия Альфа-Банка.

Перед концертом всемирно известный баритон встретился с журналистами, а затем в интервью корреспонденту ИГ “Вслух.ру” ответил на несколько вопросов наших читателей.

– Уважаемый господин Хворостовский, считаете ли вы себя космополитом? Какой город мира вам нравится более всего? Ольга, Тюмень

– Да, считаю. Мне нравится в Лондоне. Лондон – это мой город. Я уже долго живу там, и знаю его, наверное, лучше всех других городов, знаю все закоулки. По Лондону я передвигаюсь не с бодигардом, а спокойно: пешком, в метро, на такси.

– А по Москве гуляете?

– И по Москве можно, конечно, но люди иногда докучают.

– Сколько времени вы проводите на концертах за границей, а сколько – в России? Наталья Андреева, Тюмень

– Знаете, я не подсчитывал. Не знаю точно. Вообще, что касается математики – у меня с этим проблема. Я просто ощущаю, что в последнее время России в моем графике стало больше. И, кстати, выступать перед российской публикой мне гораздо приятнее.

– Какие у вас впечатления от публики: российская разнится с европейской, американской? Софья, Тюмень

– Русская публика, где бы то ни было, совершенно свободно и естественно выходит на сцену: дарит цветы, просит автографы. Для западной публики подобное поведение не характерно, поэтому иностранцы порой смотрят на русских как на инопланетян.

Более того, на Западе не принято даже аплодировать между частями программы (если исполняется цикл, произведения одного композитора) – чтобы сохранить атмосферу концерта.

– Как быстро вам удается завоевать внимание публики? Светлана, Тюмень

– Это зависит от состояния публики, моего состояния, от внешних обстоятельств. Бывает, что, на мой взгляд, я так и не нахожу со зрителями общий язык. Способ же завоевания публики у меня один: каждый раз выхожу на сцену, как на исповедь, как на бой.

– Дарили ли вам поклонники что-то необычное? Софья, Тюмень

– Почему-то все считают, что я сладкоежка, хотя я абсолютно равнодушен к сладкому, и регулярно дарят конфеты. И игрушки – для детей.

– Дети играют ими?

– Не обязательно. Важно внимание. У моей дочки, у Ниночки, куча игрушек, но играет она с одной – со страшной куклой, которой и в глаза-то боязно смотреть, – что-то такое хичкоковского плана. Я этой куклы боюсь, а Ниночка не отпускает ни на секунду. Или же играет игрушками Максима: машинами, динозаврами, поездами.

– Дмитрий, часто пишут, что от отца вы унаследовали любовь к музыке, а что ваши дети получили от вас? Ирина, Тюмень

– Мои дети получают музыкальное образование. Моей Нине два года, Дане – 13 лет – у них абсолютный слух. Мои старшие дети поют в хоре при Русской церкви в Лондоне, где также занимаются русским языком и изучают Слово Божье.

– Для вас музыка – это бизнес или искусство? Можете ли сказать, что вы богатый человек? Наталья Андреева, Тюмень

– Бизнес – это когда делают деньги ради денег. Я, знаете, пою для себя. Даже не для публики – вы меня извините – для себя. Потому что, в принципе, пение – это такой процесс, который захватывает и доставляет удовольствие: и физическое, и, естественно, эстетическое, эмоциональное.

Когда у тебя что-то получается, происходит контакт с публикой, когда ты ощущаешь, что она тебя слушает, и то, что ты рождаешь из музыки, доходит до нее, – нет ничего лучшего. Ты наслаждаешься этим. С другой стороны, пение – это, конечно, тяжелый труд. Бывает, что ты выбиваешься из сил, но контакт с публикой так и не происходит, и это не очень приятно, но это часть твоей работы, ничего страшного.

– Как вы относитесь к благотворительности? Наталья Андреева, Тюмень

– Хорошо. В свое время только этим и занимался – все 90-е я пел бесплатно.

– Сейчас поддерживаете какие-то благотворительные фонды?

– Сейчас нет. У меня семья большая.

– Меня очень удивило ваше совместное выступление с Игорем Крутым. Вам близка поп-музыка? Вадим, Тюмень

– Ничего плохого, противного в нашем сотрудничестве я не вижу. Я сам предложил Игорю Крутому что-то написать для меня. Когда Игорь показал нам первые свои вещи, сделанные в рамках проекта “Дежавю”, мы с Флошей даже расплакались. Подумав, я выдавил из себя: “Давай с тобой поработаем вместе. Мне это интересно”.

В основном работали в студии в Нью-Йорке. Сначала были демо. Как шутит Игорь: “Ноты – это враги наши”. Он напевал мелодию, без стихов, в манере, свойственной ему одному: “Ва-да-фа. Ва-да-фе”. Соответственно так мы эти песни и называли: “Ва-да-фа”, “Ва-да-фе”.

Я запоминал музыку, и мы записывали песни, импровизируя. А поскольку я человек противно сомневающийся, прослушав потом результат, просил что-то переделать. Игорь как человек упрямый не соглашался. Возникали трения, споры. Но в данном случае споры – это прекрасно, потому что шли на пользу делу.

Проект “Дежавю” продолжится концертом в Radio City Music Hall в Нью-Йорке 6 марта. Хорошие билеты уже давно распроданы. Думаю, будет весь Брайтон-Бич: как публика Игоря, так и моя. И этот концерт я воспринимаю еще и как

возможность заинтересовать новых слушателей: возможно, после “Дежавю” кто-то из них придет в оперу.

Я прежде всего оперный певец. Опера – это основной жанр, который мной движет и благодаря которому я состоялся, совершенствуюсь и живу. Опера – это лаборатория, где я провожу определенные эксперименты, чтобы потом вынести их на сцену. И опера – это область творчества, где абсолютно незаменима актерская игра. Это настоящий театр. Это – лучше театра, потому что здесь еще и поют, а также танцуют.

Да, опера – музейный жанр, но ничего плохого в этом нет. Мы же ходим в музей и будем продолжать это делать. Лично я считаю, что все лучшее в опере давно создано. То, что создается сейчас, либо копирует каноны, либо пишется на современном языке, подразумевающим другой стиль исполнения (не *bel canto*, культивируемый в оперном пении), который, я считаю, портит голоса, делает их форсированными, некрасивыми.

Уплотненная масса оркестра буквально заставляет кричать. Это, на мой взгляд, не имеет ничего общего с оперным пением: я люблю и культивирую пение красивое, понятное, экспрессивное, но не форсированное.

В то же время классическая опера может быть интересна в неклассической постановке. Мне кажется перспективным сближение оперного театра с кинематографом, с TV: например, онлайн-трансляции концертов на несколько стран по телевидению или через Internet. За этим будущее.

– В каком фильме-опере вы бы хотели сняться? Мне кажется, вам стоит только назвать оперу и срок съемок, как выстроится очередь из лучших режиссеров, дирижеров, актеров, продюсеров, готовых воплотить ваши замыслы в жизнь. Ирина, Тюмень

– Я бы хотел записать Симона, что, надеюсь, произойдет. Симон – это, в общем-то, вершина, одна из топ-ролей для вердиевского баритона.

Хотел бы спеть Риголетто. К сожалению, один из моих первых Риголетто был записан в начале двухтысячных в Хьюстоне. По контракту правами на запись спектакля обладает Театр оперы и балета Хьюстона, и мы не имеем право ее обнародовать. Копия этой пленки есть у моих родителей, когда они ее смотрят, они постоянно плачут: говорят, уж очень хорошо сделана постановка.

– Как вы относитесь к режиссерским экспериментам? Как бы вы отреагировали, если бы вас, скажем, попросили спеть, повиснув вверх ногами?

– Мне интересно, когда меня заставляют висеть вверх ногами и петь. Мне интересно работать с талантливыми режиссерами. Когда есть возможность чему-то научиться – это прекрасно.

– **Однако режиссеры обычно прислушиваются к вашему мнению?**

– Прислушиваются. Я – в тяжелой категории, меня сложно не слушать.

– **Думаете ли вы о завершении карьеры? Ирина Николаевна, Тобольск**

– Абсолютно нет. Мне еще как минимум лет 20 надо поработать, чтоб поднять моих детей.

– **Дмитрий, что вы обычно напеваете на досуге? Мария, Тюмень**

– Это зависит от того, чем я занимаюсь, что я до этого пел, что я разучиваю. Чтобы выучить или повторить хорошо забытое, нужно сконцентрироваться, и потом эта музыка, как правило, не выходит у тебя из головы в течение нескольких дней. А работая с Крутым, я просто болел его музыкой: у нее удивительная особенность не выходить у тебя из головы.

Сейчас вот пели с Ильдаром Абдразаковым в Москве: в первом отделении у нас были сцены из “Дон Жуана”, во втором – дуэты из “Дон Карлоса” и “Пуритан”. И два дня подряд “Suono la tromba” не выходил из головы. “Su-o-no la trom-ba!”. (Поет.) Вот сейчас вам спел, и опять будет вертеться на языке.

– **Дмитрий, можно ли развить у ребенка слух? Приобщить к музыке? Или лучше оставить человека в покое? Мария, Тюмень**

– У каждого ребенка можно развить слух – даже у самого что ни на есть тугоухого. И в этом я убедился, когда преподавал музыку в детском саду, где проходил практику после второго курса педучилища. Бывают просто несоординированные воспроизведение и слышание, не так работает какой-то маленький нервик. И этим нужно заниматься. Каждый день. Чем раньше начинаешь, тем лучше.

– **Дмитрий, очень интересно, как вы боретесь с “однообразием” в вашей профессии, или такового не бывает? Александр Д., Тюмень**

– Однообразие. Да нет, вы знаете, музыка – это как текущая вода, она не может никогда быть одинаковой. И, исполняя одно и то же произведение в миллионный раз, всегда находишь новые прелести. Как раз этим музыка отличается от рутинной работы. Хотя, в принципе, в любой работе, даже самой рутинной, имеются пути для импровизации.

Подготовила Алена Бучельникова, [“Вслух.ру”](http://Vslux.ru)